

## ЯН БРАУН

### Когда баски потеряли контакт с остальными картвельскими племенами?

Если принять — а много говорит в пользу этого — что баскский язык объединяют генетические связи с южнокавказскими (картвельскими) языками, то перед нами встает задача дать тщательную историческую интерпретацию данного факта. Родство языков предполагает существование их первоначальной общности, основанной на племенной общности носителей этих языков.

Многие аргументы лингвистического, антропологического и археологического характера позволяют локализовать прародину картвельских племен в широко понимаемом районе Малого Кавказа. Там также должен был сформироваться, в достаточно отдаленном прошлом (5–4 тысячелетие до н.э.) их общий язык. С течением времени язык этот подвергался внутренней эволюции и начал распадаться на территориальные диалекты, от которых в последствии взяли начало грузинский, занский (мегрело-чанский) и сванский языки. От этой же диалектной группы, по всей вероятности, происходит также и баскский язык. Носители прабаскского диалекта, по не вполне еще для нас понятным причинам, покинули территорию Кавказа и мигрировали далеко на запад, в район Пиренейских гор.

Попытаемся определить, хотя бы приблизительно, относительную и абсолютную хронологию распада картвельской языковой общности. Для объяснения того, какие изменения и в какой последовательности произошли в течение длительного исторического развития упомянутой общности надо восстановить ее первичную структуру. Приблизительную картину картвельского праязыка мы можем получить, сопоставляя те элементы его фонологической, морфологической и синтактической системы которые сохранились в материале известных нам сегодня картвельских языков: грузинского, занского, сванского и баскского.



## I

Фонологическая система пракартвельского языка выглядела, по мнению автора, следующим образом:\*

vocales  
*a, e, i, o, u*  
 semivocales  
*j, w*  
 consonantes  
*b, p, ɸ, m*  
*d, t, l, n, l̥, r*  
*ʒ, ɕ, ɕ̥, z, s*  
*g, k, k̥, ɣ, x*  
*q, q̥, q̣*  
*h*

Начинает формироваться также четырехчленная группа слогообразующих согласных (сонантов), в которую входят *ɾ, l̥, ɲ, и m*.

## II

Построенные из вышеупомянутых фонем первичные корни, номинальные и вербальные, помещаются в рамках точно определенной модели. Корни эти преимущественно моносиллабические, типа *CV* и *CVC*. Внутри категории глагола допускаются также, хотя и редко, корни, состоящие из одной только согласной. Статистические подсчеты указывают на особенно частое употребление в начале корней велярных, фарингальных и ларингальных согласных, а также дентальных аффрикат. Начальные согласные могли также в некоторых рядах характеризоваться первичной лабиализацией. В структурном типе *CVC* в качестве конечного согласного выступают чаще всего *l, r, n, b, m* и *d* реже — аффрикаты *ʒ, ɕ, ɕ̥* и спиранты *z* и *s*. В этом же типе можно еще выделить подгруппу со структурой *CVIC, CVrC* и *CVnC*. К праязыковому периоду следует отнести субстантивные префиксы *ba-, be-* и *bi<* — (примеры: груз. *pa-š̥i* < \**ba-š̥i* «внутренности», *ba-t̥k̥an-i* «ягненок», *bu-ɕ̥inɕ̥vel-i* «муравей», сван. *pa-tw* < \**ba-tw* «волосы», *bi-kenɕ̥xal* «клен», *pi-k̥w* < \**bi-k̥w* «козел» и др.) грамматическое значение которых пока еще не вполне ясно, а также служащие для образования партиципиальных форм префиксы *ta-, la-* и *i-*. Наиболее древние номинальные словообразовательные суффиксы характеризуются чаще всего структурой — *-Vl, -Vr* и *-Vn*.

Для раннего периода можно восстановить общие формы личных местоимений: \**twe-na/me-na* «я», \**hwe-na* «ты», \**kwe-na* «мы» и \**twe-na* «вы».



Функцию личного местоимения 3 лица исполняло указательное местоимение. К первичным интеррогативам относятся корни *wi/mi* а также *na* «кто» и *sa* «что».

В пракартвельском языке существовала уже развитая деκлинация имен охватывающая 7 падежей.

Вот их парадигма:

casus absolutivus -o

nominativus в определенной форме -i

ergativus в определенной форме -man, -k, -m

genetivus -is, -in

dativus-locativus -as/-s, an/-n

instrumentalis -it

allativus -ad/-d

Большим разнообразием отличались в пракартвельских диалектах формы множественного числа имен и глаголов. Перечислим здесь в качестве примеров плюральные суффиксы -en, -an, -ed (*kr-ed-sa-b-m-el-i*), -nar, -ar и -eb.

В пракартвельском глаголе различались следующие морфологические категории:

1. Статичность и динамичность,
2. Переходность и непереходность,  
(при непереходном глаголе субъект имел форму номинатива, при переходном — эргатива),
3. Дюративный и моментный аспекты,
4. Causativum (префигированный показатель *ga-*),
5. Категория лица (субъектного и объектного),
6. Протоверсия,
7. Категория числа (singularis/pluralis),
8. Аффирмативные и негативные формы глагола.

Наиболее простая из возможных форм *verbum finitum* состояла из 1–2 морфем (например: *qav* «делай это!», *v-ɕev* «я лежу»), наиболее полная — из 8 (например: */ga-/ve-v-a-r-ɕw/-iv/-n-i-t* «мы действительно обычно исследуем эти вещи»).

Последовательность морфем в теоретической модели пракартвельского глагола представляется следующим образом: *praefixus affirmationis/negationis + praefixus personalis + Charaktervokale + praefixus causativi + radix + suffixus numeri pluralis obiecti + suffixus aspectualis + suffixus pluralis subiecti*.

В глагольной форме обозначено при помощи специального префикса только одно лицо: в *verbum intransitivum* — лицо субъекта, в *verbum transitivum* — лицо прямого объекта. Те же самые префиксы служили для обозначения в первом случае лица субъекта, в другом — лица прямого объекта.



Попытаемся восстановить вероятное исходное положение в данном участке конъюгации глагола на примере двух предложений

#### ПРАКАРТВЕЛЬСКОЕ

\**mwe-na/me-na v-çev* (др. груз. *me v-çev*) «я лежу»

\**maṇ mwe-na/me-na v-par-i* (др. груз. *maṇ me m-par-i-s*) «он меня прикрывает»

#### ПРАБАСКСКОЕ:

\*\**ni n-a-sa* «я лежу»

*har-k\*ni n-a-kar* «он меня несет»

Субъектно-объектные глагольные префиксы были по существу редуцированной формой личных местоимений. Первое лицо единственного числа *v-/m-* увязывается с прономинальным корнем \**mwe*, второе лицо *h-* — с прономинальным корнем \**hwe*. Происхождение префикса третьего лица единственного числа \**d-/l-* еще окончательно не выяснено. В развитии личных форм глагола во множественном числе находят выражение две тенденции. В группе диалектов, которые дали начало грузинско-занскому и сванскому, личный префикс остается не измененным, а плюральность формы обозначена при помощи специального суффикса, в прабаскском же диалекте личные префиксы во множественном числе связаны, так же как и в единственном числе, с формами соответствующих им самостоятельных личных местоимений.

Дальнейшее развитие пракартвельского полиперсонализма привело к возникновению второго ряда личных аффиксов, которые должны обозначать лицо косвенного объекта. Здесь имеются в виду картвельские префиксы *m-*, *g-*, *h-* и *gw-*, а также баскские суффиксы *-d*, *-g*, *-gi* и *-su*. Эти суффиксы, несомненно прономинального происхождения, обладали тогда еще довольно большой самостоятельностью, чем можно было бы объяснить факт, что в грузинско-занском и сванском диалектах они заняли позицию перед глаголом, а в прабаскском диалекте — после глагола.

Пракартвельская конъюгация охватывала первоначально только два ряда глагольных форм, выражающих два отдельные аспекты действия — дюративный и моментный. Вторая серия времен и наклонений древнегрузинского глагола (оппозиция *permansivum/aoristus*) и двухчленная конъюгация старых баскских синтетических форм глагола (срв. баск. *d-a-kar* «он несет» и *s-e-karr-en* «он принес») являются реликтом той давней эпохи. Мы разделяем взгляд профессора Арнольда Чикобава<sup>1</sup> и профессор Alice Harris<sup>2</sup>, что так называемая вторая серия конъюгационных форм в картвельских языках, вместе с характерными для нее морфологическими и синтаксическими чертами,



являлась основой для всего дальнейшего развития системы картвельского глагола.

В конце пракартвельского периода баскский теряет контакт с остальными картвельскими диалектами. Происходит распад первоначальной языковой общности на две части, восточную, существующую на территории южного Кавказа, и западную — в Пиренеях. С тех пор процесс развития обеих групп протекает уже независимо друг от друга, хотя некоторые остатки старого наследия можно заметить еще и позже. Судьбы родственных диалектов, а в дальнейшем языков — грузинского, занского и сванского — изучаются в рамках их историко-сравнительной и исторической грамматики. Баскский язык имеет также за собой долгую историю, хотя наши средства для ее восстановления значительно более скромны.

Представим сейчас, в двух отдельных параграфах, в хронологическом порядке, наиболее существенные изменения, которые затронули структуру кавказских картвельских языков и баскского после его переноса на запад.

А.1. Фонологическая система южнокавказских языков расширилась путем добавления ряда шипящих аффрикат и спирантов: *ჭ*, *წ*, *ჭ*, *ჭ* и *ჭ*. Профессор Гиви Мачавариани постулировал также для более позднего этапа развития общекартвельского языка-основы существование еще одного ряда переднеязычных аффрикат и спирантов, занимающего среднюю позицию между свистящими и шипящими.

2. Возникновение категории *praeverbium*.

3. Возникновение категории *to-/mi-*.

4. Стабилизация исключительно субъектного характера личных префиксов *v-*, *h-* и — в сванском — *l-*.

5. Стабилизация исключительно префиксальной позиции прономинальных элементов *m-*, *g-*, и *gw-* и расширение их функции как показателей не только косвенного, но и прямого объекта.

6. Возникновение категории версии.

7. Возникновение вербальной диатезы.

8. Возникновение I, а вслед за нею III группы времен и наклонений картвельского *verbum*. Оформление основ группы *praesens*'а повлекло за собой глубокие изменения синтаксической структуры южнокавказских языков. На ряду с эргативной конструкцией предложения с переходным глаголом появляется номинативная конструкция с этим же глаголом. Первоначально, как на это указывают данные баскского языка, номинативная конструкция предложения употреблялась только при непереходных глаголах.

9. Возникновение каузативных форм второй генерации.

Все эти изменения, которые наступили на протяжении второго этапа развития общекартвельского языка, определили лингвистический облик более поздних языков — грузинского, занского и сванского.



Б.1. Сведения о фонологической системе прабаскского языка являются пока еще очень фрагментарными. Следует предположить, что прабаскский язык подвергся сильному влиянию соседствующего с ним на территории Испании иберийского языка, теряя целый ряд характеризовавших его прежде фонем. Несколько шире наши сведения о фонологической системе аквитанского языка, частичное представление о котором дает ономастический материал (антропонимы, теонимы и топонимы) находимый в латинских инскрипциях в районе Пиренеев, датированных 1–4 веком н.э.<sup>3</sup> По мнению многих специалистов аквитанский язык можно считать непосредственным предком баскского языка.

#### ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА АКВИТАНСКОГО ЯЗЫКА

vocales  
*a, e, i, o, u*  
 semivocales  
*j, w*  
 consonantes  
*b, p, m*  
*d, t, n, l, r*  
*tt, nn, ll, rr* (новый ряд)  
*c, č, s, š*  
*g, k*  
*h*

Еще до возникновения аквитанского языка глухие, придыхательные, смычные согласные превратились, в инициальной позиции, в спиранты. В интервокальной позиции они сохранялись чаще, но уже лишенные своей первичной аспирации. В то же время происходит процесс исчезновения супраглотальной артикуляции определенной группы баскских глухих, смычных согласных. Унаследованная от пракартвельских диалектов троечная система смычных согласных и аффрикат преобразовывается в парную систему. Теперь слабые согласные (*lenes*) противопоставляются сильным (*fortes*).

Ниже будут приведены главные изменения в области баскского консонантизма, которые можно отнести к доаквитанскому периоду.

Изменения согласных в анлауте слова: *p-* > *h-*; *p-* > *p-*; *t-* > *c-* > *s-*; *t-* > *t-*; *z-* > *c-* > *s-*; *c-* > *c-* > *s-*; *č-* > *č-* > *š-*; *z-* > *s-*; *k-* > *h-*; *k-* > *k-*, *θ-*; *γ-* > *g-*, *h-*; *q-* > *kh-*, *h-*; *q-* > *k-*, *θ-*.

Полусогласный *w* переходит в инициальной и интервокальной позиции в согласный *b*.

Изменения согласных в ауслауте слова: *-b* > *-m* > *-n*; *-m* > *-n*; *-d* > *-l*; *-l* > *-rr*.



На этом мы заканчиваем очерк доисторической баскской фонологической системы. Дальнейшие ее судьбы представлены в работах Луиса Мичелены<sup>4</sup> и Андре Мартинета<sup>5</sup>.

2. Послелогии при именах существительных исполняют в баскском те же функции, которые выпали на долю превербам в поднекартвельских диалектах.

3. Сохранение при глаголе первичной серии субъектно-объектных префиксов.

4. Стабилизация исключительно суффиксальной позиции прономинальных элементов *-d*, *-g*, *-gu* и *-su*.

5. Отсутствие новой семантики *Charaktervokale*.

6. Сохранение первой генерации каузативных форм глагола, образованных при помощи префикса *ga-*.

7. Возникновение перифрастических форм глагола под влиянием латинского языка.

8. Зачатки вербальной диатезы.

Попытаемся теперь определить абсолютную хронологию распада пракартвельской языковой общности на две более поздние ветви — южнокавказскую и баскскую. Сравнительно-историческое языкознание располагает сегодня, при решении такого рода вопросов, двумя методами. Один из них — это введенный М. Сводешем так называемый глотто-хронологический или лексико-статистический метод. Принимая контрольный список, охватывающий 100 слов, и применяя его к лексическому материалу, почерпнутому из современного грузинского и современного баскского языков, мы получаем приблизительную дату утраты между ними непосредственного контакта, что можно приурочить ко второй половине 4 тысячелетия до н.э.

Другой метод, носящий название лингвистической палеонтологии, пытается определить на основе исследования древнейшей лексики, общей для большинства членов какой-нибудь семьи языков первичный культурный инвентарь носителей праязыка данной семьи. Сравнивая полученную таким образом картина их материальной и духовной культуры с соответствующим этапом — хронологию которого можно определить — доисторического развития предполагаемой прародины этого племени мы получим дополнительные указания для датировки последней фазы существования интересующего нас праязыка.

Много общих названий лесных и полевых растений, а также названий диких животных, встречающихся в южнокавказских языках и в баскском, хотя и дает нам понятие о естественной среде, в которой жили пракартвельские племена, не может, однако, помочь в области хронологических изысканий. Большую ценность в этом отношении имеют общие названия первых злаков: проса (др.-груз. *peṭu*, зан. *paṭ-i* < \**paṭw-i*: баск. *arto*) и ячменя (др.-груз.



*ker-i*, арманское, заимствованное из занского *gari*: баск. *gara-gar*). Древнее, передуплицированное название ячменя послужило на почве баскского языка для определения иного злака — пшеницы. Баскское слово *gari* «пшеница» даже в своей структуре сохранило древний картвельский суффиксированный артикль *-i*. С пракартвельским земледелием связаны также и некоторые другие баскские слова, срв. др.-груз. *i-pkl-i* (*\*i-pek-il-i*) «пшеница»: баск. *bihi* «зерно», др.-груз. *quvil-i* «колос»: баск. *ube* то же или др.-груз. *kwal-i* «борозда»: баск. *ikoe* то же. Сюда можно добавить и др.-груз. *pkw-a* (*\*pekw-a*) «молоть»: баск. *eho* то же.

Древнейший период развития сельского хозяйства в Закавказье относится к 5 и 4 тысячелетиям до н.э.<sup>6</sup>

В сванском и баскском языках сохранилось самое древнее на Ближнем Востоке название металла. Мы имеем в виду сванское слово *berež/berž* (*\*berž* *<\** *berz*) «железо» и баскское *burdin* то же. Тот же самый корень имеется в шумерском слове *urudu* «медь» и в латинском *raudus* «руда». На использование пракартвелами двухколесного воза, типа кавказской арбы, указывает общий технический термин: др.-груз. *yerz-i* «ось» и баск. *arda-s* то же.

Принимая во внимание все приведенные выше аргументы, наиболее вероятной кажется датировка баскской миграции на запад годами 5000–3000 до н.э. Отнесение ее ко второй половине 3 тысячелетия, как это предлагал профессор Рене Лафон<sup>7</sup>, представляется нам неубедительным. В ту эпоху Балканский полуостров, западная и южная часть Анатолии, а также Эгея уже были заселены индоевропейскими племенами.

\* Фонемные единицы приводятся здесь в графической форме, установленной в кавказоведении Н. Трубецким и А. Чикобавой.

#### Цитированная литература

<sup>1</sup> Чикобава А., Пермансив и место, занимаемое им в истории спряжения грузинского глагола (К истории эргативной конструкции в груз. яз.), Сообщения Академии Наук Грузинской ССР, Т. IV, № 1, 1943, с. 91–98. Основной текст на грузинском языке.

<sup>2</sup> Harris A.C., *Diachronic Syntax: The Kartvelian Case*, in: *Syntax and Semantics*, Vol. 18, New York 1985, pp. 93–106.

<sup>3</sup> Gorrochategui J., *Estudio sobre la onomástica indígena de Aquitania*, Bilbao 1984.

<sup>4</sup> Mitxelena L., *Fonética histórica vasca*, San Sebastián 1985.

<sup>5</sup> Martinet A., *Phonologie synchronique et diachronique du basque*, in: *Encuentros internacionales de vascólogos*, «Iker» 1, pp. 59–74.



<sup>6</sup> Джапаридзе О., *К этнической истории грузинских племен по данным археологии*, Тбилиси 1976, с. 319–320. Основной текст на грузинском языке.

<sup>7</sup> Lafon R., *Sur les origines des Basques et de leur langue*, «Les Cahiers d'Outre-Mer», No. 7, 2<sup>ème</sup> Année 1949, Bordeaux, pp. 193–207.